

ДМИТРИЙ ТРЕНИН

НОВЫЙ БАЛАНС СИЛ

РОССИЯ В ПОИСКАХ
ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОГО
РАВНОВЕСИЯ

 альпина
ПАБЛИШЕР

 РОССИЯ
В ГЛОБАЛЬНОЙ ПОЛИТИКЕ
РЕКОМЕНДУЕТ

Дмитрий Тренин

**Новый баланс сил.
Россия в поисках
внешнеполитического равновесия**

«Альпина Диджитал»

2021

УДК 327
ББК 66.4(2Рос)

Тренин Д. В.

Новый баланс сил. Россия в поисках внешнеполитического
равновесия / Д. В. Тренин — «Альпина Диджитал», 2021

ISBN 978-5-96-147170-0

После 2014 года Россия стала заметно активнее во внешней политике, но четкой стратегии пока не видно. Во времена СССР мы с США соревновались за влияние во всем мире, а после 1991 года какое-то время пытались встроиться в Запад. Нужно ли нам опять становиться сверхдержавой? Как сбалансировать внутренние возможности и активность за пределами страны? Как выстраивать отношения с ближайшими соседями, включая Китай? Есть ли у нас точки соприкосновения с США и Западной Европой? Новая книга российского международника Дмитрия Тренина – приглашение к широкой дискуссии по важнейшим вопросам внешней политики России. Автор рассматривает основы, на которых строятся отношения России с другими государствами, – такие, как суверенитет, национальный интерес, международное право, баланс сил. Дает обзор внешней политики Москвы под руководством Михаила Горбачева, Бориса Ельцина и Владимира Путина. Анализируя успехи, неудачи и ошибки недавнего прошлого, автор предлагает поразмышлять, как России выстраивать самостоятельную и равновесную внешнеполитическую стратегию в быстро меняющемся мире.

УДК 327
ББК 66.4(2Рос)

ISBN 978-5-96-147170-0

© Тренин Д. В., 2021
© Альпина Диджитал, 2021

Содержание

Благодарности	7
Введение	8
Часть первая	14
Общий взгляд на международные отношения в XXI веке	14
Факторы российской внешней политики	20
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Дмитрий Тренин

Новый баланс сил: Россия в поисках внешнеполитического равновесия

Редактор А. Новресли

Главный редактор и руководитель проекта С. Турко

Корректоры Е. Аксёнова, Е. Чудинова

Компьютерная верстка М. Поташкин

Художественное оформление и макет Ю. Буга

Все права защищены. Данная электронная книга предназначена исключительно для частного использования в личных (некоммерческих) целях. Электронная книга, ее части, фрагменты и элементы, включая текст, изображения и иное, не подлежат копированию и любому другому использованию без разрешения правообладателя. В частности, запрещено такое использование, в результате которого электронная книга, ее часть, фрагмент или элемент станут доступными ограниченному или неопределенному кругу лиц, в том числе посредством сети интернет, независимо от того, будет предоставляться доступ за плату или безвозмездно.

Копирование, воспроизведение и иное использование электронной книги, ее частей, фрагментов и элементов, выходящее за пределы частного использования в личных (некоммерческих) целях, без согласия правообладателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

© Дмитрий Тренин, 2021

© ООО «Альпина Пабlishер», 2021

Моей жене Вере, которая бережет меня от застоя

Благодарности

Мысль написать книгу о внешней политике России высказал автору главный редактор издательства «Альпина Паблишер» Сергей Турко, за что ему я особенно благодарен. Это предложение позволило мне реализовать давнее намерение осмыслить внешнеполитический курс страны на протяжении трех с половиной десятилетий, начиная с горбачевской перестройки, и на основе уроков этих лет предложить какие-то соображения и идеи для внешней политики ближайшего десятилетия. Я очень признателен моему старшему товарищу послу Анатолию Адамишину – одному из самых видных и уважаемых членов отечественного внешнеполитического сообщества, бывшему первому заместителю министра иностранных дел России и бывшему министру РФ по делам СНГ, который прочитал отдельные главы рукописи и сделал очень ценные замечания. Наконец – не по значимости, я очень рад, что всегда могу рассчитывать на помощь и поддержку моей семьи – сыновей Петра и Андрея, которые стали первыми и очень внимательными читателями и конструктивными критиками рукописи, и, конечно, моей жены Веры, которой я и посвящаю эту книгу.

Введение

В новейшей истории России 20-е годы нашего века, вероятно, станут либо определяющими, либо предопределяющими, непосредственно предшествующими большим переменам. За три десятилетия развития современного российского капитализма, политической системы, общественных отношений не только накопился богатый опыт, но и появился огромный массив противоречий и проблем, которые так или иначе должны быть решены. Очевидно, что нынешняя политическая и экономическая модель Российской Федерации все больше исчерпывает себя. Все больше ощущается ценностная пустота. Конституционных изменений 2020 года в будущем окажется недостаточно. Трансформация страны, начавшаяся в 1980-е годы, продолжится. Государство, основы которого созданы при Путине, экономику, уходящую корнями в эпоху Ельцина и внешнюю политику, парадигма которой – при всех последующих изменениях – была заложена во времена Горбачева, ожидают, вероятно, коренные изменения.

В ряду множества вопросов, на которые предстоит дать ответ, проблема места и роли России в мире, о внешней политике страны имеет не последнее значение. Для России внешняя политика является не столько отражением внутренней, сколько важным самостоятельным фактором, зачастую активно влияющим на курс в самой стране. Сегодня на уровне элит главный водораздел проходит между теми, кто видит оптимальную реализацию своих частных и корпоративных интересов через встраивание России в глобальные связи при ограниченной и служебной роли государства (условно – «частниками»), и теми, кто в достижении своих личных целей делает ставку на государство как на главный инструмент (условно – «государственниками»). Пока одни считают неизбежным новый Брестский мир с Западом, другие готовы не только дальше сражаться в «гибридной войне», но и обернуть конфронтацию себе на пользу.

Это противоречие очень далеко от борьбы славянофилов и западников в XIX столетии, либералов и консерваторов в начале XX века, демократов и авторитариев в его конце. Это уже не борьба идеологий, хотя идеологический элемент в ней присутствует – в служебном качестве. Борьба «частников» и «государственников» – это прежде всего столкновение конкретных интересов, в котором главное различие между сторонами состоит в способах реализации вполне материальных целей. Названия обеих групп заковычены, поскольку условные частники не могут существовать без мощной поддержки государственных органов, а условные государственники, используя бюрократическую машину, стремятся к достижению частных целей. Иными словами, вопрос стоит так: чем станет Россия будущего – государством корпораций или государством-корпорацией.

Это, в сущности, борьба внутри правящей элиты, властвующей в России и в силу этого владеющей ею. В такой картине практически отсутствует общество. Между тем российское общество развивается довольно активно, хотя и неравномерно. 1990-е годы, после распада Советского Союза, страна провела в режиме выживания, нулевые – в режиме стабилизации и восстановления, 2010-е – в стагнации, а на внешнем контуре – в условиях усиливающейся конфронтации с Западом, традиционно важнейшим контрагентом России. С этим багажом страна вступила в 2020-е. В дальнейшем конфронтация, скорее всего, будет усиливаться. Запад не пойдет на компромисс, Россия – на капитуляцию. Таким образом, внешний фактор становится все более важным для будущего России.

На уровне общества противоречие, имеющее отношение к внешней политике, еще глубже. Оно пролегает между интересами коллективными и индивидуальными. В прежние времена индивидуальные интересы были накрепко привязаны к коллективным. В эпоху войн, революций, индустриализации, коллективизации, холодной войны судьбы отдельных людей во многом определялись классовым происхождением и географическим местонахождением. Освобождение и принуждение, жизнь и смерть были массовыми явлениями, возможностей

покинуть страну и избежать общей с большей частью своего народа судьбы было немного. Военная обязанность являлась всеобщей. Советский Союз сформировался и существовал как общество, наглухо закрытое от внешнего мира.

В условиях глобализации ситуация изменилась. Появилось немало людей – не только богатых, – которые могут больше не связывать свою судьбу с конкретным государством. «Глобальные русские», как и «глобальные» индийцы, бразильцы, японцы, могут в принципе – имея средства, востребованную профессию или образование – свободно находить работу или другой источник дохода и выбирать место жительства в разных регионах мира, отделяя себя от массы «почвенных» соплеменников, которые по разным причинам остаются прикрепленными к родной земле. Речь идет не о тех, кто переехал жить за границу. Многие не уезжают из родной страны, но при этом живут в ином мире, чем большинство соотечественников. Для «глобальных» людей собственное государство не столько общий дом, сколько обременительные налоги и прочие ограничения. Они выбирают более выгодные юрисдикции для ведения бизнеса, более спокойные и безопасные места для жизни. Появился серьезный зазор между интересами этих групп и остального общества, в том числе в отношении к внешней политике государства. Образовалось противоречие между национальными интересами, укорененными в государстве, и частными интересами наиболее свободных людей.

Усиление соперничества держав вплоть до конфронтации, однако, вновь меняет ситуацию. Снова выходят на первый план государства различных калибров – сверхдержавы (США и Китай), великие державы (Россия, Индия), средние (Турция, Иран, Саудовская Аравия) и малые (Северная Корея, Катар), оттесняя международные институты и транснациональные корпорации. Государства вновь решительно заявляют о своих национальных интересах, которые начинают сталкиваться на различных уровнях. Государственные границы опять обрели значение. Люди, возомнившие себя гражданами мира, вынуждены заново определяться. Внутри отдельных государств у них возникает потребность к большей солидарности и сплоченности. Так внешняя политика меняет вектор внутреннего развития.

Обычный россиянин, как и рядовой житель любой другой страны, практически никогда не сталкивается с процессом формирования внешней политики. В то же время внешнеполитические решения, принимаемые в Кремле и подмосковных государственных резиденциях – Ново-Огареве, многочисленных Горках – и реализуемые на Старой, Смоленской, Арбатской, Лубянской и других московских площадях, а также в Ясенево, все больше влияют на жизни миллионов граждан. После окончания холодной войны мир (как совокупность стран) стал теснее, но от этого мир в нем (как состояние отношений между государствами) не стал прочнее. Это окончательно прояснилось, когда закончилась четвертьвековая пауза многополярного мира и после единоличной американской гегемонии соперничество великих держав и связанные с ним конфликты вспыхнули с новой силой.

В названии предлагаемой читателю книги есть слова «баланс» и «равновесие». Баланс относится к глобальному раскладу сил, который подвержен постоянным изменениям и, следовательно, в принципе неустойчив. Равновесие, напротив, относится к искомому состоянию внешней политики России и залогоу устойчивости этой политики. Главный тезис книги состоит в том, что для успешной внешней политики государства необходимо равновесие между отдельными группами интересов – частными и общественными, федеральными и региональными; политическими целями государства и его экономическими возможностями; интересами развития и потребностями безопасности; ценностными и идеологическими различиями; какими-либо географическими и функциональными направлениями внешней политики; внешними партнерами, попутчиками и противниками; долгосрочной стратегией, среднесрочными опера-

циями и повседневной тактикой и т. д. Вынесение этого на первый взгляд очевидного и даже банально звучащего тезиса в название подразумевает, что, по мнению автора, такого равновесия в российской внешней политике пока по большому счету нет, его только предстоит достичь.

Эта книга – о современной внешней политике России, точнее, об уроках ее недавнего прошлого и перспективах. О внешнеполитическом наследии горбачевской перестройки, бурных ельцинских 1990-х и продолжающегося длительного правления Владимира Путина. О главных итогах и уроках международной политики всех этих лет. Об успехах – о том, что нужно обязательно сохранить для будущего. О неудачах – о том, что предстоит переделывать, исправлять, менять, предлагая новые подходы. Об ошибках, просчетах и провалах, которые должны стать предостережением на будущее. О том, наконец, что не прошло проверку временем или совестью и от чего необходимо решительно отказаться, проводя работу над ошибками.

Международное положение России противоречиво. Государство восстановило свою внутреннюю субъектность, вернуло себе положение великой – то есть самостоятельной – державы, которое теперь предстоит отстаивать. Активная деятельность Москвы вышла за пределы постсоветского пространства. Приняв участие в войне в Сирии, Россия вернулась на Ближний Восток. Углубляется и расширяется партнерство с Китаем. Соперники отмечают активность России во многих регионах мира – от Центральной Африки до Латинской Америки, от Арктики до Восточного Средиземноморья.

В то же время уже более семи лет на юго-западных границах России, в Донбассе, существует очаг вооруженного конфликта, который при определенных условиях может разгореться до полномасштабной войны. Союзная России Белоруссия переживает политический кризис, исход которого имеет для Москвы стратегическое значение. Армяно-азербайджанский конфликт в Нагорном Карабахе, остановленный благодаря усилиям Москвы четверть века назад, вылился в новую войну, в результате которой Турция утвердила свое присутствие на Южном Кавказе. В Средней Азии еще один союзник России Киргизия пережила три революции за 15 лет. Отношения России с США фактически сузились до одной-единственной общей проблемы: как предотвратить случайное развязывание вооруженного конфликта между двумя ядерными сверхдержавами. Резко ухудшились отношения практически со всеми странами Европейского союза, включая Германию, долгое время бывшую основным партнером Москвы в Европе. Безрезультатно закончились длившиеся семь лет попытки выстроить партнерство и сотрудничество с Японией.

Ощущения и ожидания, касающиеся направления и перспектив развития международной обстановки, в целом тревожные. Выпуски телевизионных новостей нередко открываются сюжетами об испытаниях новых систем оружия. Само телевидение превратилось в площадку информационной войны с Западом – безудержной и беспощадной. Санкции со стороны Запада, которые постоянно расширяются, пока напрямую коснулись лишь сотен российских граждан, но, воздействуя на экономику и финансы, косвенно оказали влияние на жизнь едва ли не всего населения страны. Еще до пандемии COVID-19 ужесточение визовой политики привело к проблемам с деловыми и личными поездками, а спортивные санкции отправили в нокдаун отечественный спорт высших достижений и поставили под угрозу карьеры профессиональных спортсменов.

Россия проявила устойчивость к внешнему давлению. Это безусловный плюс и дополнительное подтверждение статуса самостоятельной страны. Внешняя политика президента Путина пользуется поддержкой абсолютного большинства граждан. В то же время уникальный шанс перейти к ускоренному развитию страны, провести санацию ее элиты, повысить уровень общественной солидарности, который снизился из-за конфронтации с США, оказался до сих пор нереализованным. Многие пороки российской политической и экономической систем – такие как всепоглощающая меркантильность элит и жесткая монополизация рынков – продолжают сдерживать развитие страны. Сложный комплекс проблем политического транзита ука-

зывает на фундаментальную уязвимость страны, где режим с его специфическими интересами подменяет собой, но не заменяет государство.

В отличие от многих стран, в России с ее одновременно героической и трагической историей и обширной географией общественный интерес к внешней политике традиционно велик. Глубокий шрам в коллективной памяти народа, оставленный 1941 годом, не затянется никогда; не сотрутся из этой памяти 1612 и 1812 годы, ужас монгольского завоевания и унижения 250-летнего ига. Международное положение России во все времена являлось одним из важнейших критериев оценки деятельности того или иного верховного правителя – царя, вождя или президента. Неудивительно, что государственные средства информации постоянно сообщают гражданам Российской Федерации о блестящих внешнеполитических достижениях страны, в то время как оппозиционные источники обычно твердят о ее бесконечных и опасных провалах. Внешняя политика является предметом внутренней борьбы – как публичной, так и скрытой.

Это нормально, и такая политическая разногласица заставляет разбираться, как все обстоит на самом деле. Вопрос не столько в риторике и даже не только в политике, сколько в самопонимании и самоощущении россиян и в вытекающих из этого потребностях. Прежде всего нужно разобраться в том, кто мы, где мы и куда идем. Речь идет о вещах принципиальных: идентичности, месте и роли страны в мире; о том, что нам нужно от мира и что мы можем дать ему; о целях внешней политики, ее принципах, стратегии, средствах и способах проведения – и в конечном счете о получаемых результатах. Но еще и о том, как и чем внешняя политика России подпитывается от внутренней политики и экономики, а также от мировоззрения. В центре этой большой темы – важнейшая проблема: в чем состоит действительный национальный, общенародный интерес Российской Федерации, ее место в мире и – конкретнее – главная цель России как нации в глобальном мире XXI столетия? За этим вопросом следуют другие, связанные с ним: кто именно и каким образом, на какой основе определяет якобы вечный и неизменный, а на самом деле постоянно наполняемый новой конкретикой национальный интерес; когда и каким способом он апробируется, утверждается, корректируется, реализуется и т. д.

Эти темы становятся все более актуальным. Долгая, богатая событиями эпоха Владимира Путина продолжается. Однако конституционная реформа 2020 года и одновременно поразивший страну, как и весь мир, вирус COVID-19 обозначили важную веху. С одной стороны, тема транзита власти отложена на неопределенный – возможно, очень длительный, а может, и не очень – срок. С другой стороны, в мире и в России идут процессы, способные вызвать фундаментальные изменения, подлинный характер и возможные последствия которых пока невозможно оценить. Политическое время не всегда совпадает с календарным, а планы властей – с настроениями элит и общества. События – вот что движет миром, как говаривал британский премьер Гарольд Макмиллан. Чтобы не стать их игрушкой, нужно определить цель и наметить стратегию. И крепко стоять на обеих ногах и держать голову прямо, сохраняя равновесие физическое и душевное.

Когда бы она ни произошла – по плану в 2024, 2030, 2036 годах или внепланово в любой момент, смена эпох в России неизбежна. Смена власти после длительного правления одного лидера всегда время особых рисков. Это периоды интенсивных действий и зачастую резких и неожиданных перемен, но обычно не время для глубоких размышлений. Некритичное отношение к политике властей дезориентирует и дискредитирует лоялистов в тот момент, когда эта политика начинает лихорадочно меняться. В то же время демонстративное и абсолютное осуждение всей политики предыдущего или завершающегося правления способно нанести тяжелый ущерб интересам народа и страны. Так что пока еще есть время для спокойного анализа и серьезных обсуждений, есть смысл потратить его на осмысление пройденного пути и сформулировать выводы. Такой разговор, помимо прочего, поможет сцеплению атомов, на которые распалось общество, и образованию молекул и даже клеточек будущего целостного организма.

Книга состоит из трех частей. В первой, которая называется «Основы внешней политики», речь идет об общих понятиях, использующихся во внешней политике государства: национальной идентичности в международном сообществе, национальных интересах, целях и принципах политики, идеологии и миссии страны в мире и тому подобном. Это важно, поскольку позволяет выработать критерии оценки внешней политики России того или иного периода, на том или ином направлении и т. д. Кроме того, определенность в отношении основ политики необходима, чтобы выставить ориентиры будущего целеполагания, стратегии продвижения и защиты национальных интересов.

Во второй части, озаглавленной «Наследие», сделана попытка подвести итоги внешнеполитической работы не только Владимира Путина и его протее Дмитрия Медведева, но и недавних их предшественников на вершине власти – Бориса Ельцина и Михаила Горбачева. Разумеется, внешняя политика большой страны не результат деятельности одного человека, а сложное взаимодействие различных групп интересов – ведомственных, экономических, общественных и иных. Столь же очевидно, однако, что действительно важные решения – особенно в российских условиях – всегда несут на себе отпечаток личности высшего руководителя страны, тем более если это крупная историческая фигура. При разборе достижений и неудач той или иной политической эпохи упор делается главным образом на уроки, которые необходимо учитывать, глядя в будущее.

Третья часть книги называется «Контурная карта внешней политики России на 2020-е годы». В ней содержатся размышления о том, как целесообразно выстраивать внешнюю политику России в будущем, основываясь на приобретенном за последние десятилетия опыте и его уроках. Там же ставится вопрос, должна ли у России быть особая миссия в мире и соответствующая этой миссии идеология. Речь пойдет как о принципиальных основах внешнеполитического курса в целом, так и об основных его направлениях – географических (Азия, Европа, Ближний и Средний Восток, Америка и т. д.), функциональных (внешняя безопасность, геоэкономика, внешнеполитическая окружающая среда и климат и проч.). Главная мысль заключается в том, что для проведения успешной внешней политики в будущем необходимы глобальное мышление, продуманная континентальная стратегия, наконец, четкое представление о национальных интересах.

В заключении разбирается вопрос о роли общества в формировании конкретной формулы национальных интересов, о способах влияния граждан на внешнюю политику.

Эта книга адресована не только коллегам – внешнеполитическому сообществу экспертов, ученых, практиков и студентов. Ее целевая аудитория – российское общество в широком смысле, иначе говоря, все, кто в той или иной степени интересуется внешней политикой государства. 20-е годы XXI столетия, в которые мир вступил, будут, по-видимому, периодом острого соперничества, конфликтов и войн. В таких условиях последствия наиболее серьезных внешнеполитических решений затронут всех.

Можно посмотреть на проблему и под другим углом. В XXI веке в условиях глобализации на всемирном уровне и демократизации на уровне национальном международные отношения все больше соответствуют своему названию: становятся *международными*. Речь идет о взаимоотношениях больших групп людей: народов, наций. Действующих лиц на сцене становится все больше. Нужно понять, что их объединяет, чем они отличаются, на какой основе могут взаимодействовать – соревноваться, соперничать, сотрудничать; как научиться лучше понимать друг друга. Если предлагаемая книга поможет кому-то прояснить для себя хотя бы некоторые аспекты этих больших проблем, автор будет считать, что не зря потратил время и силы.

Сергиев Посад, январь 2021 года

Часть первая

Основы внешней политики

Общий взгляд на международные отношения в XXI веке

Это небольшое вступление не краткий очерк истории и теории международных отношений. Оно написано с единственной целью: обрисовать широкими мазками тот общий контекст, в котором действует российская внешняя политика. В этот контекст я попытался также вплести основные понятия, которыми собираюсь оперировать по ходу книги, такие как миропорядок, анархия международных отношений, суверенитет государств, международное право и ряд других. По идее, это должно помочь пониманию книги.

После окончания холодной войны много писалось о том, что мир как совокупность отдельных государств уступает место глобальному миру, в котором государства уже не будут играть главную роль. Важная, а иногда ведущая роль будет принадлежать транснациональным корпорациям, технологическим и информационным империям, инвестиционным банкам, международным сетям различного состава и назначения – от профессиональных до криминальных, всевозможным движениям, от радикальных до экстремистских и террористических. Действительно, на международной арене отдельные игроки из этого перечня оказывались влиятельнее многих, а нередко – большинства из нынешних 193 государств – членов ООН. Тем не менее три десятилетия спустя, несмотря на все успехи глобализации, приходится признать, что главенствующая роль государств в современном мире скорее укрепилась. Международные отношения в своей основе остаются отношениями межгосударственными.

Много споров ведется вокруг проблемы миропорядка. Нынешнее время объявлено эпохой смены миропорядка. Кто-то говорит о переходе от однополярного мира к многополярному, кто-то¹ – об уже происшедшей смене порядка беспорядком.

Миропорядок не имеет ничего общего с мировой конституцией, по которой якобы живут государства. Государства – даже самые маленькие и слабые – в теории суверенны, то есть не признают над собой ничьей власти. В строгом смысле слова международные отношения – это область анархии².

Так было не всегда. В Европе начала Нового времени существовали разные уровни власти. В центре континента располагалась Священная Римская империя германской нации, в состав которой входило бесчисленное количество королевств, герцогств и великих герцогств, курфюршества, графств и маркграфств, вольных городов и церковных владений. Рядом с империей существовали крупные централизованные государства – Англия, Франция, Испания. На влияние во всем христианском мире претендовал папа римский, но католической церкви противостояли протестантские земли. На периферии Европы возникли крупные государства – Османская империя и Русское царство.

¹ Например, известный американский политолог, президент Совета по международным отношениям Ричард Хаасс. См.: Richard Haass. A World in Disarray. American Foreign Policy and the Crisis of the Old Order. Penguin Press: N.Y., 2017.

² Hedley Bull. The Anarchical Society. A Study of Order in World Politics. Columbia University Press: N.Y., 1977.

С образованием централизованных государств преобладавший прежде династический интерес стал уступать место государственному – *raison d'etat*, по определению руководителя французской политики кардинала Ришелье. **Государственный интерес** – позже, в условиях демократии, его стали называть национальным – основывался на безусловном примате блага государства. Моральные и религиозные соображения низводились до уровня второстепенных. Результатом охватившей Германию и соседние страны кровопролитной Тридцатилетней войны стал подписанный в 1648 году мирный договор, провозгласивший принцип, согласно которому каждое государство – католическое или протестантское, входившее в состав империи или нет, – было совершенно свободно в устройстве своих внутренних дел. Вмешательство во внутренние дела не допускалось, но при этом вводились некоторые нормы межгосударственного общения, начиная со сложной иерархии государств и с дипломатического протокола.

Вестфальская система, получившая название от западнонемецкой земли, где был подписан мир, до сих пор остается краеугольным камнем миропорядка: государство есть главный элемент системы международных отношений, а **государственный суверенитет** стал ее важнейшим принципом. Установленная в 1648 году иерархия государств с тех пор многократно менялась в результате изменения их международного веса. Вестфальский мир заложил правила, но не уничтожил войны.

Государства, следовательно, равны только в теории; в жизни они очень неравны. Регулирование их отношений происходило не на правовой основе, а на силовой. Основным фактором было постоянно менявшееся в результате разной динамики развития **соотношение сил между государствами**, которое подвергалось постоянной проверке в частых войнах. Разница между Европой и другими регионами мира состояла в наличии здесь множества государств на сравнительно небольшой территории, каждое из которых опасалось чрезмерного усиления соседа и поглощения им. Система постоянных войн, обеспечивавших выживание по крайней мере основным участникам, получила название **баланса сил**.

*Государства равны только в теории; в жизни они очень неравны.
Регулирование их отношений происходит не на правовой основе, а на силовой.*

Одного лишь баланса сил, однако, недостаточно для существования миропорядка. Силовые опоры порядка должны подкрепляться их признанием – добровольным или вынужденным – со стороны по крайней мере основных членов системы международных отношений³. В этом смысле Вестфальский мир установил важнейший принцип миропорядка – суверенитет отдельных государств. Собственно международный порядок в Европе сформировался в XVIII веке и оформился в начале XIX столетия.

Наполеоновская эпоха, приведшая к установлению кратковременной французской гегемонии в Западной Европе, завершилась триумфом антифранцузской коалиции и таким образом подтвердила действенность механизма баланса сил. Кроме этой силовой составляющей, новый порядок поддерживался консервативной идеей легитимности монархического правления. Более того, на Венском конгрессе 1815 года по итогам победы был создан первый консультативный орган по управлению делами Европы – **европейский концерт великих держав** в составе Австрии, Англии, Пруссии и России, к которым вскоре добавили и побежденную Францию. Это последнее обстоятельство было принципиально важным, поскольку делало миропорядок инклюзивным и предотвращало реванш со стороны побежденной державы.

Концерт оказался не очень слаженным из-за столкновения государственных интересов и идеологических различий, к тому же Россия довольно скоро заняла доминирующее положение на континенте, что вызвало противодействие Англии и Франции и скрытое недовольство двух

³ Henry Kissinger. World Order.

германских государств. Результатом стали Крымская война и временное ослабление России. Тем не менее венский порядок прекратил общеевропейские войны на целое столетие.

Первая мировая война нарушила общеевропейский мир и привела к колоссальным потрясениям. Установленная по итогам войны Версальская система впервые включала не только концерт великих держав в составе Британской империи, Франции, Италии и Японии, но и всемирную организацию по поддержанию безопасности – **Лигу Наций**. Проблема Версальской системы состояла в том, что она, в отличие от Венской, изначально не включала ряд важнейших стран: Германию, проигравшего противника; Россию, где победил революционный большевистский режим, ставший на время международным изгоем, а также США, которые активно участвовали в Версальской конференции, инициировали создание Лиги, но вскоре ушли в самоизоляцию. Степень легитимности Версальской системы, следовательно, изначально была невысокой. Версаль, таким образом, фиксировал военную победу, но не обеспечивал прочного мира. Менявшееся соотношение сил вскоре этот мир взорвало.

Ошибки и просчеты в политике западных держав – главных бенефициаров и хранителей Версальской системы – не позволили задействовать механизм баланса сил для предотвращения Второй мировой войны. Главные европейские державы оказались поверженными или ослабленными. В результате система, сложившаяся по итогам войны и сформировавшаяся в ходе переговоров в Ялте и Потсдаме, опиралась на отношения только двух ведущих мировых сил, сверхдержав, – Соединенных Штатов Америки и Советского Союза. (Третья держава, представленная в Ялте и Потсдаме, – Великобритания с ее империей – была сильно ослаблена и уже в ходе войны ей пришлось согласиться со статусом младшего партнера США.) Эта система, просуществовавшая всю холодную войну, получила название **биполярной**. Многосторонний баланс сил сменился двусторонним.

Неспособность советского руководства справиться с тяжелым внутренним кризисом в стране, из которого оно пыталось выбраться при помощи непродуманных реформ, привело к распаду СССР, а чуть раньше – к превращению биполярной системы в однополярное доминирование единственной оставшейся сверхдержавы: Соединенных Штатов Америки, **Rex Americana**. Это был первый и пока единственный в истории международных отношений случай господства одного государства в мировом масштабе. То, что раньше было возможно только в замкнутых мирах – в Средиземноморье в эпоху Римской империи или в Восточной Азии, где до XVIII века включительно доминировало Среднее государство Китая, – стало глобальной реальностью на рубеже XXI столетия. Но ненадолго.

Спустя два-три десятилетия после окончания холодной войны меняющееся соотношение сил стало подрывать основы американского лидерства. Уже в 2010-е годы под ударами экономического кризиса, в результате подъема Китая и частичного восстановления России оно перестало быть неоспоримым. Китай превратился в мощную экономическую державу с большим технологическим потенциалом и политическими амбициями. Быстрее стала развиваться и чаще проявлять свои амбиции Индия. Списанная было Западом со счетов Россия вернула себе статус великой державы. «Большая семерка» ведущих западных экономик во главе с США и НАТО как основа американской системы глобального военного доминирования перестала быть высшей мировой инстанцией. «Вашингтонский консенсус» в экономике и либерально-демократическая модель в политике утратили значительную долю привлекательности. Консенсус на основе западных ценностей, соответствовавший интересам США и их европейских союзников, стал разрушаться. Однонаправленная динамика международных отношений сменилась разнонаправленной.

Международные отношения – это динамическая среда, в которой формально равноправные, но по факту совершенно не равные между собой суверенные государства преследуют свои интересы, часто противоречащие

друг другу, и руководствуются идеями, принципами и ценностями, во многом несовместимыми.

Соответственно, обычно происходит столкновение интересов – что, правда, не исключает сотрудничества, когда интересы близки или при наличии общего противника. Так всегда было, есть и, вероятно, будет до тех пор, пока – если такое вообще случится – весь мир не станет единым политическим организмом. Сейчас же мировое сообщество структурировано очень слабо. Организация Объединенных Наций – не супергосударство, Устав ООН – не всемирная конституция, Генеральная Ассамблея – не глобальный парламент, а Совет Безопасности – не мировое правительство.

Анархия, царящая в международных отношениях, не означает, впрочем, отсутствия какого-либо регулирования. Государства, как мы знаем, постоянно вступают в отношения друг с другом. Теоретически это происходит свободно, по взаимному согласию. Такие отношения оформляются в виде договоров, соглашений, конвенций и тому подобных документов. Некоторые из них имеют многосторонний характер. Совокупность этих документов называется **международным правом**.

Отличие международного права от внутреннего в том, что участники международных договоренностей вольны в любое время выйти из них, а также в том, что формальный механизм принуждения к исполнению однажды взятых на себя обязательств отсутствует.

Первоначальная идея Совбеза ООН в составе пяти постоянных членов как хранителей международной безопасности, по совместительству международных полицейских и командующих международными вооруженными силами и силами по поддержанию мира, а также – по модели Нюрнбергского трибунала – судей международного суда, заложенная в Уставе ООН, оказалась практически не осуществимой из-за непримиримых противоречий внутри «пятерки» и воплотилась в довольно слабых инструментах.

Все постоянные члены Совбеза являются также признанными ядерными державами, но в XXI веке это уже не делает их исключительными. Ядерное оружие разработали и создали Индия и Пакистан, Израиль и Северная Корея. Пример КНДР демонстрирует, что любая, пусть сравнительно бедная и во многих отношениях отсталая, страна может добиться своей цели, если ее руководство поставило задачу создать ядерный потенциал, а режим достаточно устойчив к внешнему давлению. На месте и Пхеньяна, и Вашингтона можно представить любую пару государств современного мира. Это совершенно новая ситуация. Есть ядерная программа у Ирана, ряд государств на Ближнем Востоке и в других регионах демонстрирует ядерные амбиции. Возможности, которыми располагают ядерные державы, важны с точки зрения сдерживания противников, но больше не создают международных привилегий.

Международное право исторически сложилось на основе вестфальской формулы суверенитета государств и невмешательства в их внутренние дела. После Второй мировой войны в документах ООН, решениях Нюрнбергского трибунала, осуждающих главных нацистских военных преступников, принципы суверенитета были дополнены положениями о том, что агрессия является международным преступлением, а угроза миру – проблемой для мирового сообщества; что определенные нормы соблюдения прав и свобод человека, в том числе вытекающие из осуждения расизма и различных форм дискриминации, являются обязательными для всех государств. После окончания холодной войны и триумфа западных стран в США и Европе появилась идея о том, что даже модернизированное международное право уже недостаточно в качестве регулятора международной жизни. Вместо него стала продвигаться идея **мира, основанного на правилах**.

Эта идея фактически нацелена на то, чтобы распространить на весь мир порядок, существующий в пределах сообщества стран Запада. Порядок, основанный на правилах, предусмат-

ривает, что все государства разделяют ценности либерализма, демократии, прав и свобод человека, причем не в их классической форме, а в современном прочтении. Фактически речь идет о либерально-прогрессистском порядке. Первой новацией в этом направлении явилась доктрина гуманитарной интервенции, ставшая в 1999 году основанием для вооруженной интервенции стран НАТО против Югославии во время конфликта в Боснии. Следующей крупной новацией стала принятая ООН в 2005 году концепция об ответственности по защите населения от геноцида, военных преступлений, этнических чисток и преступлений против человечности.

Идея мира, основанного на правилах, заключается в том, чтобы распространить на весь мир порядок, существующий в пределах сообщества стран Запада. Этот порядок основан на том, что все государства разделяют ценности либерализма, демократии, прав и свобод человека, причем не в их классической форме, а в современном прочтении.

Если в отношении геноцида и других преступлений против человечности существует международный консенсус, то более широкий набор объектов регулирования – например, характер политического режима, который может не отвечать нормам демократии и даже конституциям тех или иных государств, – встречает сопротивление. Китай, Россия, Иран открыто выступают в защиту принципа невмешательства во внутренние дела государств. Характерно, однако, что и некоторые члены ЕС – Польша, Венгрия – против вмешательства органов Евросоюза в свои внутренние процессы. Другие члены ЕС, хотя и робко, выступают против неправовых действий США.

Это позволяет сделать вывод, что порядок, основанный на правилах, не может быть установлен иначе как при участии всех стран в выработке правил, обязательности выполнения правил и контроля за их применением всеми государствами без исключения. Такие условия, однако, могут появиться только в процессе формирования мирового политического общества и создания мирового правительства. Международное сообщество, на которое ссылаются сторонники универсальных правил, – на деле западное сообщество. В этом сообществе есть и порядок, и правила, и лидер – Соединенные Штаты Америки. Мощь, авторитет и влияние США являются реальной основой порядка, распространяющегося на страны Запада и прикнущие к ним государства.

Однако в современном мире все государства без исключения так или иначе зависят друг от друга. Только несколько игроков действительно обладают достаточными ресурсами и волей, чтобы проводить свою внешнюю политику, если потребуется, вопреки воле всех остальных. Это прежде всего США и Китай. Самостоятельную политику проводят также Россия и Индия. А вот страны Европы и Япония, Канада и Австралия, ряд других, несмотря на имеющиеся у них большие ресурсы и возможности, предпочли передать жизненно важную функцию защиты старшему союзнику – Соединенным Штатам Америки. В связи с этим совершенно справедливо, что страна-защитник требует достаточной степени контроля над внешней политикой подзащитных стран.

*Традиционные международные отношения основывались на **реализме** – уважении совокупной мощи и военной силы государства как важнейшего фактора международной жизни – и **прагматизме**, ставящем во главу угла интересы взаимодействующих государств и признающем политику искусством возможного.*

XX век – век идеологий – привнес в международные отношения сильный идеологический фактор. Противоборствующие идеологии коммунизма и либеральной демократии внешне руководствовались сверхнациональными интересами. Рубеж XXI столетия, с одной стороны, стал триумфом глобализма в варианте всемирного западнического прогрессизма, а с другой – оживил древние племенные и религиозные идеологии. Первая треть XXI столетия заканчивается, похоже, ренессансом национализма и – внутри Западного мира – жесткой схваткой прогрессивного и традиционного западничества. Это делает международные отношения более напряженными, действия участников более решительными, а их борьбу – бескомпромиссной.

После такого сжатого короткого вступления можно приступить к обсуждению проблем российской внешней политики.

Факторы российской внешней политики

В этой части книги рассматриваются основные детерминанты, определявшие и продолжающие определять внешнюю политику России: геополитическое положение страны, ее геокультурные особенности. Здесь также обсуждаются проблемы национального и геополитического самоопределения, специфики российских национальных ценностей. Особенно важен вопрос о национальных интересах. Эти интересы не всегда и не во всем являются объективно заданными и часто представляют собой предмет горячих споров и даже борьбы. Наряду с этим обсудим чувствительную для россиян проблему статуса страны и попытаемся выяснить, каков реальный внешнеполитический потенциал России – иными словами, на что она может опираться в проведении своей внешней политики. Затронем также вопрос о том, есть ли и должна ли быть у России специфическая миссия на международной арене. В завершение – самое главное: попытка предложить для обсуждения концепцию равновесия как основу внешней политики Российской Федерации в первой половине XXI века.

Страны, в отличие от людей, не мигрируют, но они постоянно меняют свои границы, то расширяясь, то сжимаясь в размерах, устанавливают и свергают политические системы и режимы, а также меняют международную ориентацию. Российская Федерация – не новая страна и даже не новое государство, возникшее в 1990-м (после принятия Верховным Советом РСФСР Декларации о государственном суверенитете республики) или 1991-м (после роспуска СССР в Беловежской Пуще). Российской государственности намного больше тысячи лет. Находящийся в Новгородском кремле знаменитый памятник «Тысячелетие России» был воздвигнут еще в 1862 году. Именно в этом городе на Волхове зародилось государство русского народа. История России неразрывно связана с православием. Принятие христианства князем Владимиром и его дружиной в крымском Херсонесе, а затем крещение киевлян в Днепре в 988 году стало вторым – духовным – рождением России.

На этом тысячелетнем государственном и духовном пути уместилось шесть основных форм Российского государства: Древняя Русь от Новгорода до Полоцка и «матери городов русских» Киева (IX век – середина XII века); северо-восточная Русь как место формирования великорусского этноса – Ростов Великий, Суздаль, Владимир и, наконец, Москва, объединившая под своим началом все русские земли северо-востока (конец XII века – начало XVI века); многонациональное централизованное Русское (Московское) царство XVI–XVII веков; европеизированная Российская империя XVIII – начала XX века со столицей в Санкт-Петербурге; коммунистическая советская Россия – СССР 1917–1991 годов; современная Российская Федерация. В этой изменчивой непрерывности, когда смена форм государства является способом продолжения государственности, диалектическая суть России.

Поразительная черта российской истории состоит в том, что каждое следующее российское государство во многом отрицало своего предшественника, но при этом каждая из исторических «Россий» являлась абсолютно русским государством, полноправным наследником предыдущего. Таким образом, сменяемость и преемственность выступают как две константы русской истории.

Другой особенностью является способность русского народа к выживанию в суровых и даже экстремальных условиях – не только климатических, но и политических (изменений внутреннего режима) и геополитических (вторжения и давления извне).

Применительно к государству понятия «русский» и «российский» выступают как неполные синонимы: русскость составляет ядро российскости (в которой присутствуют многие другие народы Евразии), но в историческом плане иногда была шире его (Великая, Малая и Белая Русь, бывшие изначально единым геополитическим организмом, впоследствии расходились, сходились, и вновь расходились). Уникальное свойство русских – их готовность включать в свое сообщество представителей других этносов, культур, религий и одновременно проявлять терпимость к этническим и религиозным особенностям соотечественников. Результатом этого являлось то, что понятия «русский» и «российский» часто оказывались взаимозаменяемыми.

Страны живут во времени и пространстве. История и география определяют их судьбы на протяжении всего существования государств, в отличие от экономики и финансов, которые важнее на коротких отрезках времени. Любой политик, приходящий к власти и уже в качестве государственного деятеля принимающий на себя ответственность за страну, строит ее внешнюю политику на нескольких важнейших основаниях. Такими факторами являются: геополитическое положение страны, ее геокультурная идентичность и специфические ценности, национальные интересы, стратегическая культура. Давайте попробуем определить содержание этих важнейших параметров для современной Российской Федерации.

Геополитическое положение

Древняя Киевская Русь, геополитической осью которой служил Днепр, главная водная магистраль на пути из варяг в греки, являлась первым русским государством. Наследие Киевской Руси – общее достояние трех народов и трех современных государств: Белоруссии, России и Украины. Центр всех остальных исторических России находился в волжско-окском междуречье, и именно Волга стала новой меридиональной осью, главной дорогой России. Широтной осью России служит путь, проложенный крестьянами-переселенцами, купцами и промышленниками, мигрировавшими из волжско-окского междуречья на Урал и дальше – вплоть до берегов Амура и до тихоокеанского побережья. Сегодня по этому пути проходит Транссибирская железнодорожная магистраль.

«Россия – гигантских размеров сухопутный остров», – писал мыслитель Вадим Цымбурский⁴. Этот остров – материк долго формировался, расширялся, а в последнее время существенно сжался. В ходе своего становления Россия наступала на соседние Европу и Азию, иногда останавливалась в своем движении вширь и изредка, сталкиваясь с сильными противниками, отступала. Бывало, от нее отпадали те или иные территории, но затем они обычно возвращались – как правило, силой. Никогда, однако, сжатие России не было столь масштабным, как в результате распада Советского Союза. Россия потеряла не только окраины – Прибалтику, Бессарабию, Закавказье, Туркестан и Среднюю Азию, но и части того, что считалось историческим ядром страны и колыбелью русского народа: Украину и Белоруссию.

За три прошедших десятилетия бывшие окраины «большой страны» – Советского Союза, а до него Российской империи – стали для Российской Федерации иностранными государствами, в разной степени дружественными или враждебными. Некоторые до сих пор считают такое положение неестественным, временным; даже саму Российскую Федерацию не признают полноценной Россией, презрительно именуя ее эрэфией. Это иллюзия. Прежний порядок вещей – государственное единство имперско-советского пространства – невосстановим. Национальное начало торжествует повсюду в мире. Сама Россия не только перестала быть империей, но выходит уже из постимперского состояния, становясь самодостаточным многонациональным государством, объединенным русским народом. Важнейшую роль в этом сыграли и продолжают играть события на Украине и процессы, идущие в Белоруссии. Сказанное не

⁴ Цымбурский В. Л. Конъюнктуры Земли и времени. – М.: Европа, 2011.

значит, что влияние России в пределах СНГ не может и не будет возрастать, а связи с бывшими республиками не будут укрепляться. Но возрастать и укрепляться все это будет уже не на основе государственного объединения.

Сжатие России на рубеже XXI века происходило одновременно с экспансией ее исторических соперников. Это стало для них своего рода реваншем за прошлое расширение России за счет европейских держав, утративших свои сферы влияния. Запад «отыграл» не только утраченные им в результате Второй мировой войны подконтрольные Советскому Союзу территории – Восточную Германию и Восточную Европу, включая Балканы, но и распространил свое влияние на Прибалтику, Украину, Грузию, Молдавию, стремится влиять также и на Белоруссию. Колоссально усилившийся в экономическом отношении Китай сумел стать ведущим экономическим игроком в Центральной Азии и – под флагом инициативы «один пояс, один путь» – важнейшим фактором экономического сопряжения Азии и Европы. На юге Турция, не сумевшая в 1990-е годы укрепиться в тюркоязычных закаспийских странах, стала де-факто старшим союзником Азербайджана. Призрак возрождающейся Османской империи – от Ливии до Ирака – соседствует с тенью Речи Посполитой, витающей над новой (2020 года) Люблинской унией Польши, Литвы и Украины, в которую Варшава с помощью Вильнюса стремится включить и Белоруссию. Еще в 2009 году Варшава вместе со Стокгольмом выступила с инициативой создания Восточного партнерства Европейского Союза, направленной на постепенную европеизацию шести постсоветских государств Балтийско-Черноморского региона и Кавказа. Этот процесс идет неровно, с перебоями, но на западных границах России практически исчез пояс многовекторных буферных государств, превратившихся в сателлитов Европы и Америки.

Уменьшившись в размерах и утратив контроль над непосредственным геополитическим окружением, сама Россия стоит особняком. История России-Евразии в ее имперском и советском вариантах закончилась, но Российская Федерация так и не стала, как многие ожидали в 1990-е – начале 2000-х годов, частью политической Европы. В Азии, конечно, никто никогда не считал Россию «своей» и ничего от нее не ожидал. Это привело к смене привычных понятий.

В XXI веке Россия уже больше не Восток: ни европейский, как было на протяжении многих столетий, ни мировой, как в годы холодной войны. Место мирового Востока, противостоящего глобальному Западу, прочно занял Китай, а восточные границы Европы фактически полностью совпали или вот-вот совпадут с западными рубежами России. Итак, современная Россия – это не Восток, не Запад, не Европа, не Азия. Она не встраивается ни в одну из геополитических макроконструкций.

Геополитически Россия – самостоятельная, но одинокая величина в ставшем глобальным мире. Резкое уменьшение ее сфер влияния и сжатие все еще огромной государственной территории привели к одиночеству, но они же позволили освободиться от тяжелого бремени имперских обязательств.

Уйдя с линии противостояния Восток–Запад, Россия получила новую возможность: закрепиться на политической карте в качестве мирового Севера, переосмыслить себя как северную страну и в таком качестве взаимодействовать с пока еще американоцентричным Западом, Востоком, центр тяжести которого лежит в Китае, и пестрым мировым Югом.

Действительно, в географическом отношении сегодняшняя Россия – это практически вся Северная Евразия. Будучи расположенной особо и отдельно, Россия не только не изолирована от внешнего мира, но, напротив, выходит к миру четырьмя широкими фасадами: западным, евро-атлантическим, южным, кавказско-туркестанским, продолжающимся до Индийского океана, восточным, азиатско-тихоокеанским и, наконец, северным арктическим. Россия непосредственно граничит на суше с восемью европейскими и восемью азиатскими государствами,

имеет морскую границу с Японией и США. Суверенное одиночество – та позиция, с которой предстоит действовать любому ответственному государственному деятелю Российской Федерации.

Геокультурное положение

XXI век, в отличие от XX, эпоха идентичностей, а не идеологий. Россия не только политически, но цивилизационно северная страна. Это территория с довольно суровым климатом, преимущественно холодным. Она возникла как северная окраина древней Киевской Руси и сейчас является северным соседом Украины. Территория Российской Федерации не только охватывает почти весь север Евразии, за исключением Скандинавии, но и имеет продолжение в виде исключительной экономической зоны, тянущейся к Северному полюсу. Области, официально отнесенные к Крайнему Северу и приравненные к ним, занимают две трети территории РФ. Таким образом, исторический путь России – от Северной Руси к Северной Евразии.

Славянские этнокультурные корни основной части населения России очевидно европейские. Ее исторические очаги – Новгород, Киев, Москва, Петербург – находятся на территории географической Европы. Россия приняла христианство в конце X века – одновременно со многими европейскими странами. Ее духовные корни ведут в Константинополь – «Второй Рим». После церковного раскола середины XI века русские остались с православной Византией. Эта общность корней и различия в культурном развитии предопределили многое в будущем русского народа.

Оставаясь европейской по корням, российская цивилизация, таким образом, не является западной. Будучи открытой для разнообразных заимствований и способной достигать высот «западной» культуры – например, в музыке, литературе и кино, – Россия на протяжении всей своей истории упорно отвергала путь культурной ассимиляции, первоначально в рамках католической церкви, а в наши дни – расширенного Запада. Вместо этого Россия традиционно объединяла народы и религии в растущих границах самого российского государства.

Российская цивилизация очень рано вышла за пределы изначального восточнославянского этноса. Население России – результат соединения многих народов: славян и варягов-скандинавов, финно-угорских и тюркских этносов, монголов и евреев, а также армян, немцев, греков и десятков других. Православие широко распространилось на территории России, но приверженцы других религий и конфессий – ислама, иудаизма, буддизма, а также католичества и протестантизма – получили возможность исповедовать свою веру. После церковного раскола XVII века преследованиям подвергалось в России старообрядчество, а в годы большевистского богоборчества в XX веке – все религии без исключения. Надо отметить, однако, что советская власть обрушивала наиболее жесткие репрессии на русский народ – православных священников и монахов, русское крестьянство и интеллигенцию, даже на русских коммунистов («ленинградское дело» 1949–1951 годов), не без оснований считая русскость реальной альтернативой советскому коммунизму.

Советский период был временем широко культивировавшегося интернационализма. Многонациональное население России – не сплав многих волн иммигрантов, как в американском плавильном тигле, а тесный и, как свидетельствует история, довольно прочный союз преимущественно автохтонных народов с русским большинством на общей государственной основе и с сохранением национальных очагов.

В ходе обоих колоссальных российских потрясений XX века – 1917–1920 годов и в 1989–1991 годах – народы, проживающие ныне на территории

Российской Федерации, оставались вместе с русским народом в составе российского государства. Это важный факт, позволяющий говорить о базовой устойчивости якобы искусственной Российской Федерации.

Готовность и расположенность русских к интеграции в свое сообщество не только отдельных личностей, но и – с сохранением их национальных черт – этнорелигиозных сообществ на равноправной основе есть главный фактор государственного единства страны. Его необходимо всемерно оберегать и укреплять. Преобладающий российский патриотизм-национализм – не этнический, а государственный, толерантный к этническим и религиозным различиям. В перспективе государственный элемент необходимо укрепить гражданским.

Становление гражданственности и связанной с ним модели народовластия – важнейшая проблема русской политической культуры.

Традиционная русская политическая культура существенно отличается от европейской. В ее основе – принципы единоначалия, нерасчлененности и сакрализации высшей власти; вертикали управления; консультативности («соборности») как средства совмещения частных интересов; иерархии и в идеале специфической гармонии («симфонии») между правителями и управляемыми. Эта культура, формировавшаяся в огромной единой стране – в противоположность раздробленной на отдельные государства и расколотой борьбой между светской и духовной властью Европе, изначально враждебна состязательности, упорядоченной политической борьбе, подотчетности и регулярной сменяемости власти, легальной оппозиции, приоритету прав человека и в конечном счете суверенитету народа, поскольку видит в этих явлениях и институтах угрозу внутренней смуты и гибели государства.

Модернизация политической культуры страны началась еще во второй половине XIX века, но процесс, несмотря на несколько волн революций, идет медленно, с частыми откатами назад. Российская конституция, принятая в 1993 году, формально установила в стране западную модель демократического государства, но основной закон, написанный с использованием лучших западных практик, работал в России лишь формально. Его коррекция в 2020 году формально отдалила Россию от западной политической модели, столь же формально укрепив основы суверенитета страны, но не предложила действительно серьезных новаций. По сути формула власти не изменилась. Вероятно, становление российского народовластия – самодержавия народа – будет процессом длительным и неравномерным, даже (как свидетельствует опыт XX века) в случае каких-либо потрясений.

Попытки одним рывком изменить все заканчиваются тем, что предыдущая модель вертикальной власти воспроизводится, но на другом уровне и в иных идеологических одеждах. Советская Россия, поначалу обещавшая построить новый мир, не имела достаточных ресурсов для решения этой задачи и в итоге продолжила и усовершенствовала свергнутую ею царскую систему, а постсоветская склоняется в каком-то смысле к развитию советской. Процесс суверенизации народа – это длительный процесс изменения самосознания общества: от положения подвластного населения, от вечного состояния подданных – к статусу граждан. Заграница с ее демократическим опытом здесь не поможет. Путь к самодержавию гражданской нации может быть только российским, как и решение, которое рано или поздно будет найдено.

Не вступая в дискуссию относительно принципов деления человечества на отдельные цивилизации, можно уверенно говорить о цивилизационном своеобразии России. Преимущественно европейская по своему происхождению, Россия серьезно отличается в культурном отношении – в том числе с точки зрения мировоззрения и политической культуры – от остальных стран, включая даже ближайших соседей и родственников, таких как Украина и Белоруссии. В годы холодной войны СССР и США иногда называли полугерманскими странами. При этом США были больше связаны с западными протестантскими и католическими элементами Европы, а Россия – с восточными православными.

Сегодня, когда Европа объединилась и практически целиком находится не только в политическом и военном, но и в ценностном союзе с США, Россию можно назвать страной евротихоокеанской, в отличие от евроатлантических стран к западу от ее границ.

Геополитическое самоопределение

Итак, после распада Советского Союза Российская Федерация не входит в состав каких-то интегрированных политико-экономических общностей, но и не имеет возможности выстроить собственный блок. Таким образом, она не принадлежит какой-либо геополитической или идеологической «семье», но при этом распустила свою. На политической карте мира Россия стоит особняком, однако она не жестко изолирована от внешнего мира. Россия пришла к этому состоянию долгим и сложным путем. Он оставил богатое наследие, влияние которого не только хорошо видно до сих пор, но и отражается на восприятии россиянами своей страны.

Первой политической самоидентификацией русских было видение своей страны как части православного христианского мира. Особенно важным был тот факт, что с середины XV века (падения Константинополя) по вторую половину XIX века (образования при помощи и поддержке Российской империи самостоятельных славянских государств на Балканах) этот мир – вернее, независимая его часть – территориально совпадал с границами России. В результате Москва, в собственных глазах преемница Царьграда-Константинополя, увидела себя Третьим Римом, и вселенская религия превратилась в обыденном сознании в национальную русскую, породив одновременно гордость, высокомерие и замкнутость.

Следующей – с XVIII века – стала самоидентификация российских элит, связанная с Западной Европой, европейской цивилизацией. Таким образом Россия из центра вселенной переосмысливалась в соискателя признания со стороны индустриально и цивилизационно более продвинутых и поэтому скептически и часто враждебно настроенных по отношению к российским «выскачкам» западных соседей. Россия разомкнулась, открылась Западу. Надо только иметь в виду, что модернизационные усилия «немца» Петра I и его наследников, включая урожденную немку Екатерину II, были направлены не на то, чтобы превратить Россию в Европу, а на то, чтобы стать вровень с европейскими державами. В то же время этот поворот породил в высших классах русского общества комплекс ученика, подражателя, «русского европейца» – качество, неизжитое до сих пор, а после распада СССР даже укрепившееся. В петербургский период своей истории Россия, сознавая свою технологическую отсталость, стремилась – и небезуспешно – компенсировать ее различными видами ресурсов: демографическими, мобилизационными, духовными и других.

В начале XX века европейскую ориентацию сменила коммунистическая утопия. Советская Россия превратилась в цивилизационную альтернативу капиталистическому Западу, приобрела сторонников и последователей во всем мире и вновь – как во времена православной Московской Руси – стала центром мироздания, теперь уже социалистического. Говоря словами поэта Владимира Маяковского, «собственная гордость» «советских» вознесла их до глобальных высот, но одновременно породила беспрецедентную замкнутость, закрытость страны от внешних влияний, тлетворных для системы. Советский Союз добился положения мировой сверхдержавы, соперничавшей с другой сверхдержавой – Соединенными Штатами Америки, но оставался закрытым обществом. Этот период оставил нам в наследство глобализм мышления и действий и особо трепетное отношение к международному статусу страны.

СССР погиб, оказавшись не в состоянии пережить свой первый общий – но не летальный – кризис. Крах и распад сверхдержавы стали не только геополитической, но и психологической катастрофой, оставившей глубокую травму. Круто развернувшись в очередной раз,

Российская Федерация, позиционировавшая себя как основного наследника и государства – продолжателя СССР, попыталась поначалу интегрироваться в мировой Запад, даже стать своего рода «третьим Западом» (наряду с США и ЕС) в рамках евро-атлантического мира⁵. Эта попытка, как известно, завершилась неудачей, причины и следствия которой будут подробно проанализированы в исторической части книги.

Перестав быть Востоком и не став Западом, Россия в XXI веке становится Севером, но при этом не геополитическим северным полюсом, а отдельной величиной глобального уровня.

Удастся ли ей удержаться в положении независимого игрока, покажет время. Многое зависит от того, будет ли современное российское государство следовать заявленным ценностям: оба предшественника РФ – СССР и Российская империя – погибли именно из-за эрозии, а затем и краха официально преобладавших систем ценностей. Образно говоря, империя явно предпочла Рим – Иерусалиму, а СССР силу – правде.

Ценности

Часто при обсуждении внешней политики ценности считаются камуфляжем интересов. Это верно, если речь идет о ценностной риторике, прикрывающей действительные цели государств. В то же время нельзя не видеть, что первоосновой интересов являются базовые ценности, ради которых только и стоит жить, а если придется – пожертвовать жизнью. Это справедливо и в отношении людей, и применительно к странам. По сравнению с современными европейскими российские базовые ценности заметно консервативнее. Это относится к таким фундаментальным вопросам, как значимость и сама сущность семейного союза, традиционный взгляд на проблему пола, роль религии в частной жизни и в жизни общества. Эти различия имеют значение и для международных отношений России.

Главной политической ценностью в истории русского (здесь это слово употребляется как синоним «российского») народа является его государство. Постоянная необходимость наведения порядка у себя дома, а затем – выживания в борьбе с многочисленными соседями, начиная с вошедших в поговорку *печенегов* и *половцев*, отсутствие естественных препятствий – линий защиты от возможных противников – делали военную организацию всего народа первостепенной необходимостью. Как и военные вопросы, связанная с ними внешняя политика стала и остается исключительной прерогативой первого лица, каков бы ни был его официальный титул. С этого первого лица – символа государства – был и основной спрос за неудачи. Вертикаль власти стала в российских условиях основным принципом не только военного командования, но и государственного строительства и управления и остается им по сей день.

В то же время и в противовес сказанному, русскому человеку свойственно стремление к природной свободе и воле. Идеальное государство для него – не свод законов и бюрократическая машина для их исполнения, а дом справедливости, в котором порядок основывается на совести, а не на законах. Это – важная иррациональная сторона русского сознания, дополняющая соседствующую с ней рациональность, а иногда подавляющая ее. Поэтому вслед за обеспечением внутреннего порядка и внешней безопасности важнейшей ценностью являлась и остается *справедливость*. Несправедливая себялюбивая власть всегда была шаткой. Благополучие, прежде всего материальное, признавалось ценностью менее высокой, чем справедливость, независимость или безопасность, а богатство, для большинства недостижимое, традиционно вызывало подозрения в несправедности его приобретения. Ценность справедливости

⁵ Автор не избежал влияния господствовавших настроений тех лет. См.: Тренин Д. Интеграция и идентичность. Россия как «новый Запад». – М.: Европа, 2006.

подрыгает основы ценности государства, если государство не только признается несправедливым – обычно так и бывает, – но и девальвируется ценность государства как защитника. Советский Союз выстоял и укрепился в Великой Отечественной, не дрогнул в холодной войне, но стал рассыпаться, когда мантра «лишь бы не было войны» сменилась подозрением, что, говоря словами песни Бориса Гребенщикова, «мы воевали сами с собой»⁶.

Приоритет, традиционно отдаваемый русскими людьми своему государству, требовал обеспечения самостоятельности этого государства, его внешней независимости, суверенитета и равенства.

Отстаивание как важнейшей ценности свободы руководства страны в принятии решений предполагало готовность народа платить высокую, даже запредельную цену за сохранение государственной самостоятельности. Эта же ситуация ставила государство над обществом, над отдельными личностями. Внешний суверенитет, самостоятельность и свобода России покупались высокой ценой внутренней несвободы и жесткой зависимости русских людей от своего государства и его правителей. Сознательно или нет, народ был готов платить такую цену. Очень важна в этой связи идея *равенства* – не юридически оформленного статуса, а природного равенства людей и народов, тесно связанного с представлением о справедливости.

Устойчивость государства и его суверенитет напрямую зависели от сохранения *внутреннего единства*. Домашняя смута представлялась русским людям самой большой напастью – худшей, например, чем иноземное вторжение. Привычная внутренняя несвобода сменялась тогда безвластием и вольницей, которые неизбежно вели к разрухе и упадку. Российское государство разваливалось в начале XVII, а также в начале XX века и еще раз в конце его из-за внутренних неурядиц и затем с большим трудом собиралось вновь, хотя бы – как в последний раз – в неполном составе. Напротив, тяжелые оборонительные войны, получившие название отечественных, против таких сильных противников, как наполеоновская Франция и гитлеровская Германия, приводящих с собой на русскую землю войска половины Европы, были не только успешны и даже триумфальны, но вели к сплочению народа и подъему страны.

Справедливость для русских людей была и остается важнее, чем легальность, формальная законность. Русская народная правда – это правда справедливости. В то же время здравый взгляд на международные отношения показывает, что действительно справедливые решения часто оказываются недостижимыми или непрактичными. Справедливость замещается здесь международным правом.

Приоритет собственного суверенитета – то есть отказ от признания какой-либо высшей власти над своим государством – лежит в основе традиционной апелляции России к международному праву в качестве регулятора международных отношений.

Международное право – это, конечно, не универсальный свод законов о международных отношениях. Само понятие суверенитета государств предполагает анархию в этой сфере. Международное право на деле всего лишь система договоренностей, свободно заключаемых и расторгаемых суверенными государствами. Оставаясь приверженной международному праву на таких основах, Российская Федерация решительно отвергает продвигаемый сегодня странами Запада принцип *порядка, основанного на правилах*. Такой порядок ближе к понятию национального права. Он установил бы в международном сообществе универсальный режим, введенный группой государств (коллективным Западом), которые фактически обладали бы исключительной компетенцией в установлении правил, наблюдении за их соблюдением, назначении

⁶ Полковник Васин созвал свой полк / И сказал им: Пойдем домой. / Мы ведем войну уже семьдесят лет, / Нас учили, что жизнь это бой, / Но по новым данным разведки, / Мы воевали сами с собой («Полковник Васин», группа «Аквариум»). <https://reproduktor.net/gruppa-akvarium/poezd-v-ogne>.

и реализации санкций за их несоблюдение, а также изменении самих правил. Такой порядок уничтожал бы суверенитет отдельных государств, подчинял их высшей юрисдикции мирового правительства – в той или иной форме.

*В реальной международной жизни отношения между государствами основываются не на праве и даже не на договоренностях, а на силе. Признающий это политический **реализм**, основанный на здравом смысле, обычно был прочным фундаментом российской внешней политики, а порожденный им **прагматизм**, то есть нацеленность на практический результат в рамках возможного, – принципом международного поведения.*

При этом мировоззренческом подходе основной упор делается на соотношение сил тех или иных участников международных отношений, с которыми России приходится иметь дело, и признается иерархия государств, фактическое неравенство их возможностей. Именно в эту логику укладывается апокрифический вопрос Сталина относительно возможностей папы римского во Второй мировой войне: «А сколько у него дивизий?»

Итак, деятели, выступающие от имени России, если они хотят иметь возможность опираться на поддержку большинства населения страны, обязаны быть государственниками, обладать чувством справедливости и исходить из норм и принципов международного права, понимая в то же время, что международные отношения в реальном мире основываются на силе, а результативная внешняя политика – на прагматизме. Прагматизм в свою очередь неразрывно связан с конкретными интересами.

Интересы

Движущими силами и ориентирами внешней политики любой страны являются национальные интересы. В принципе, у России, как у каждой страны, есть два главных интереса: обеспечение безопасности и создание или поддержание благоприятных внешних условий для процветания.

Обеспечение безопасности, как уже отмечалось, первое, важнейшее условие существования обществ и государств. Безопасность – это не отсутствие угроз, такое представить себе в реальном мире невозможно, а приемлемый уровень защищенности. Абсолютной безопасности не существует, но и игнорировать опасности нельзя. Попытка полностью обезопасить себя от всех возможных угроз не только тщетна, но крайне вредна. Государство, целиком сосредоточенное на обеспечении собственной безопасности, жестко ограничивает свободы граждан и тем самым сдерживает развитие страны. Таким государством – государством госбезопасности – был Советский Союз. Как только в СССР назрел первый общесистемный кризис, зажатость населения внутри страны и глухое отгораживание ее от внешнего мира повернулись своей оборотной стороной и стали одной из важнейших причин быстрой эрозии, а затем падения советской коммунистической системы, а с ней и государства.

Для России внешняя безопасность страны – очевидный приоритет. Часто это вопрос не комфортного состояния, а физического выживания народа. Россия всегда была и сегодня остается уязвимой для противников. Синдром внезапного германского нападения 22 июня 1941 года – только самый последний в длинном ряду и самый наглядный и страшный пример внешней угрозы. Он врезался в историческую память народа, вероятно, навсегда. В период холодной войны на этот синдром наложилась реальная опасность ядерной войны с США, способной полностью уничтожить обе стороны и заодно убить все живое на Земле. Холодная война закончилась, но возможность ядерной войны сохраняется.

На протяжении российской истории императив безопасности – в условиях, как уже отмечалось, уязвимости страны из-за отсутствия естественных препятствий, которые могли бы

стать более или менее надежными границами, – требовал распространения российской территории вплоть до рубежей соседних крупных цивилизаций. С этой же целью российские правители создавали или поддерживали зависимые от них буферные государства. Эти буферные зоны были призваны как минимум не допустить превращения пограничных стран-лимитрофов в плацдармы для нападения на Россию. Пожалуй, только по итогам Второй мировой войны Москва могла почувствовать удовлетворенность тем, как были проведены ее границы и до каких пределов распространялось ее военно-политическое влияние⁷

⁷ См. на этот счет признание сталинского наркома иностранных дел (1939–1949) Вячеслава Молотова. В кн.: Чуев Ф. И. Сто сорок бесед с Молотовым. – М.: Терра, 1991.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.